

18+

Бобби Милл

МОСКОВСКИЕ БУДНИ, или Город, которого нет

Милл Бобби
Московские будни, или
Город, которого нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64037921

ISBN 9785005327956

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Нет ничего увлекательнее историй о человеческой жизни с её яркими приключениями и философскими размышлениями. Такие истории, неожиданные и ироничные, вы найдёте в этой книге. Она предлагает вам отправиться по страницам жизни и волнам мыслей очень разных людей, которые одинаково стремятся обрести свое счастье. Они мечтают о любви, глубокой и прекрасной, и готовы бороться за неё. В некоторых из них читатель узнает себя.

Содержание

Московские будни, или город, которого нет	5
Venus,	8
Луговая идет ва-банк	47
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Московские будни, или Город, которого нет

Милл Бобби

Редактор Наталья Филимонова

Корректор Ольга Рыбина

© Милл Бобби, 2025

ISBN 978-5-0053-2795-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Московские будни, или город, которого нет

*Посвящается маме и папе, моим первым
читателям,
абике и бабаю, моим первым студентам,
бабушке и дедушке, первым создателям нашего
дома,
в котором так хочется творить,
Барни, Рикю, Берту, Чипу и Дейлу, каждый
из которых
своим путем пришел в этот дом и стал
неотъемлемой
частью нашего мини-мира,
и Пипу, моему
мальшицу, который так любит
увлекательное чтение перед сном.*

*Также посвящается Васе.
Люблю твое чувство юмора
и просто люблю тебя.*

*Вы, как судьи, нарисуйте наши судьбы,
Наше лето, нашу зиму и весну...
Ничего, что мы чужие, – вы рисуйте!
Я потом, что непонятно, объясню.*

Б. Окуджава. Живописцы
(из к/ф «Покровские ворота»)

Мы не претендуем на красоту и выразительность слога, на живость и обилие сюжетных линий, на авторское, данное свыше всезнайство, на безусловность морали. Герои наши просты, истории их неприхотливы, но они правдивы, автор же здесь выступает лишь в роли летописца. И спасибо героям нашим за то, что они честно открыли перед нами книгу своей жизни, отнюдь не канонизированную, не увиливая, лукаво не отводя глаза, не приукрашивая, не замалчивая – и в каждом из них я узнала себя, а чем больше мы знаем друг о друге, чем сильнее мы проникаемся друг к другу, чем ярче находим в чужих поступках зеркальное отражение своих, тем крепче становимся как единая нация.

Заметка

(выпуск от 21 марта 2019)

Папа-меценат – дарить квартиры рад!

Сильнейший московский недуг, известный как весенне-осеннее обострение (наиболее яркие примеры которого, как правило, концентрируются в столичной подземке), на сей раз не обошел и ПАПУ. ПАПА к делу подошел творчески. Вместо того чтобы выдавать всем известные симптомы – например, как-то демонстративно со стальным взглядом переть в вагон, не позволяя выйти несколько опешившим пассажирам, или расставлять подножки на пути к сво-

бодному месту – ПАПА решил дарить москвичам квартиры. Решение пришло к нему не просто так, а после того, как одна из ПАПИНЫХ сестер (как известно, у ПАПЫ их ровно 23 – по крайней мере, он говорит, что «ощущается именно так» – и отдельных он даже не помнит по имени – «а хрен их там разберет!») обратилась к папе с просьбой помочь оформить дизайн квартиры. ПАПУ настолько заинтересовал творческий процесс (по словам ПАПЫ, в итоге вышел «хай-тек с элементами кантри и сильным уклоном в рококо»), что он решил отделать квартиры еще «паре-тройке» москвичей. По последним данным, ПАПЕ крайне интересно поэкспериментировать с готическим стилем: «Московские хрущевки как будто созданы для готики». Таким образом, слоган *«спасибо Вам, Василий Викторович»* стал новым девизом жителей столицы.

Venus, или Верочка живет здесь и сейчас

*Бог помогает тому, кто помогает себе сам
Приписывается Библии*

Вера перевернулась на другой бок, окутанная уютным теплом мягкой постели. Правой рукой она нащупала под подушкой приятное прохладное место, и в этот же момент вдруг в сонную негу мягко впорхнули поющие о прелестях ранней морозной весны птицы. Еще одурманенной сном Вере почудилось, будто бы две эти птички – она отчего-то решила, что их обязательно должно быть две – своими голосами на еще нетронутой канве этого утра шелковыми нитями вышили розовый тюльпан.

Вера медленно открыла еще сонные веки – тюльпанная дрема вмиг улетучилась – и с удивлением обнаружила, что проснулась раньше будильника (электронные маленькие часы, стоящие на телевизоре, показывали без десяти семь). За окном было темно, но из открытой форточки уже доносилась нежно-утренняя песнь весенних птиц. Они весело щебетали, будто пытаясь ей что-то поведать, и она несколько осипшим голосом с улыбкой произнесла: «С добрым утром, щебеталочки! С добрым утром, весна! С добрым утром, Бог!».

Вера лениво потянулась, издав сладкий звук, и резко отбросила одеяло. Несмотря на весеннее настроение, просочившийся сквозь открытую на всю ночь форточку мороз был февральским. Вера быстро встала и, подгоняемая стужей, которая успела укутать ее ноги, трусцой поспешила в ванную.

Освободившись от ненужной порции воды в теле, приняв почти горячий душ и умывшись, нащебетав себе целый ворох комплиментов, Вера серьезно посмотрела на своего двойника. Слава Богу, ни одна морщинка за ночь не набралась дерзости отметиться на Верином лице, наоборот, кожа ее, казалось, с годами лишь румянилась да наливалась, а вот корни, с упреком отметила она, отросли – нехорошо, будто задавшись целью рассказать всему миру, что золотистые кудряшки – fake (ох, и привязалось же к ней это словцо).

Вера тут же встрепенулась и, открыв зеркальную дверцу компактного подвесного шкафчика, суетными неловкими движениями принялась по одной доставать со второй полки крупные красные бигуди на липучках, хаотично кидая их в раковину. Намотав волосы на кольца, так что можно было подумать, будто у Веры не одна голова, а несколько, она, завязав плотный бледно-розовый махровый халат, нежно оттеняющий ее светлую несколько пигментированную кожу, чуть прикрыла форточку в большой комнате – несмотря на стужу, не хотелось лишать себя удовольствия наслаждаться птичьей симфонией— и открыла дверь на кухню.

Первые предвестники солнца, которое, как уже можно было с уверенностью сказать, обещало сиять сегодня весь день, – не лучи даже, а лишь намекающие блики – несколько оживили причудливое убранство кухни. Вдоль левой стены по центру красовался знатный массивный, почерневший от времени дубовый стол, почти весь – за исключением разве что маленькой четвертиночки – заставленный различными предметами: здесь были и открытая коробка геркулеса, и жестяная банка с чаем, и настольная лампа, и стакан венецианского стекла, и ее любимая чашка с блюдцем; здесь же лежали пастила «Шарлиз» (ассорти), вафельный торт «Причуда» (с фундуком) и батон белого хлеба. А рядом холодильник с миллионом магнетиков и такой же дубовый почерневший стул, будто младший брат подле старшего. И опять книги: в полках на стене, на стиральной машине, стоящей в кухне, на том же столе...

Все здесь было как раньше, как тридцать пять лет назад, когда Верочка, тогда еще значительно стройней, с густыми русыми волосами, вся сияющая от того, что развод родителей обернулся неожиданной удачей и в подарок на двадцатипятилетие она получила собственную квартиру, такой же обворожительной птахой распахивала дверь.

Вера нагрела чайник, достала из холодильника рассыпчатый творог «Домик в деревне» (5,5%) и, заварив чай, принялась завтракать. Птицы, своим пением по-прежнему в ее ассоциативном мышлении вышивавшие лентами узор, вдох-

новляли ее на авантюрные планы: весна, Довиль, леденящий, но вместе с тем такой сладкий бриз, Шанель – о! Шанель, широкая береговая линия, карамельный песок, разноцветные зонтики, конфеты «Комильфо», птичий треп, крутые обрывы Монако, принцесса Грейс. Да, она не бывала еще в тех краях, но обязательно поедет, ибо чувствовала всем сердцем, что ей просто *надо* туда поехать, да и сошедшие будто с картинки какие-то слишком правильные швейцарско-австрийские красоты стали будто утомлять глаз, хотя, конечно, свою Юнгфрау она ни на что не променяет.

Юнгфрау – она была поистине ее, она ни с чем не спутает ее силуэт, она узнала ее даже на выцветшем плакате в коридоре душевой летней Каширки. По тому коридору, будто по Тверской, сновали люди, а плакат висел одинокий, сникший, совершенно никому здесь не нужный. Но, завидев Веру, он сбросил с себя больничную пыль да подмигнул ей, будто подбодрил ее. И тогда она тут же поняла, что увидит Юнгфрау вновь, и, забравшись на горную тропку следующим летом, без всяких сомнений, поцелует землю.

Но она засиделась – надо одеваться, а то все прощелкает. Да, точно, как же она забыла, у нее еще Чехия на носу, замки, кнедлики, пиво – хотя она, конечно, его сроду не пила, но отчего-то кружка с вытекающей пивной пеной вызывала у нее чувство спокойной радости, значит, все хорошо, если пенка еще вытекает. Напевая под нос мотив песни «Где ты, птичка?», Вера помыла посуду и прошла в большую комна-

ту.

В то время, когда москвичи европеизировали свои хрущевские малогабаритки, срывали ковры со стен, ненужным хламом сжигали стенки (а вместе с ними и многотомные собрания сочинений – на что они теперь?), отлепляли проржавелые гармошки, меняли окна, в то время, когда каждый солидный москвич уже успел закупиться «плазмой» (и не одной!) да провести интернет, эта комната в девятиэтажке на Щелковской так и не изменила своему советскому облику.

Два дивана (один, на котором некогда спал сын Веры, ныне заставленный красочными книгами по искусству с глянцевыми страницами да бархатными пакетиками и синими коробочками Swarovski, с ковром на стене позади, и второй диван – ее), из темного дерева стенка, сплошь заставленная книгами да фотографиями, напротив стенки – шкаф, а между ними ученический стол со стулом; возле окна – стол с телевизором и кипой тетрадей да красное кресло. Вера до сих пор помнила, как хаотично выбирала мебель для своей новой квартиры, не думая и не гадая, что настанут времена и выбор мебели можно будет подчинить дизайнерской идее. Впрочем, она вовсе и не хотела ничего менять, лучше уж так, нежели то, каким манером отделала идентичную квартиру этажом ниже ее вторая бывшая невестка: этот «Версаль в хрущевке» отдавал, к Фрейду не ходи, комплексами да отсутствием всякого вкуса.

Закончив с одеждой, прической и макияжем, Вера появ-

зала на шею темно-салатовый шарфик, привезенный из Баден-Бадена, и окинула оценивающим взором созданный образ. Она была красива – не мила, не симпатична, а именно красива, чарующе красива: падающие на глаза золотистые кудряшки, идеально ровная кожа, полный азарта взгляд – кому здесь шестьдесят?

Вера закрыла дверцу шкафа да вышла в прихожую, где уже стояла подготовленная сумка. Застегнув сапоги да надев шубу (как-никак все еще стояли морозы), Вера поцеловала ладонь и погладила ею знатного орла, раскинувшего свои мощные крылья на приклеенном к стене плакате, а затем, будто спохватившись, глянула на висевший рядом календарь и аккуратно спустила красный квадратик вниз, к следующему месяцу, остановив его на первом дне весны. Она знала, что врет – но обманывать саму себя ведь не значит врать?..

* * *

На работе все было, как обычно: гул единой офисной комнаты, которую делили все сотрудники компании за исключением директора, голоса, смех, кашель, перестук клавиатур, писк мобильных телефонов, райский аромат кофе и выпечки, в котором хотелось искупаться, вытекающий из отделенной стеклянной перегородкой кухни; импортные планировки – русские люди, люди, которые хотят, чтобы их оценили и похвалили, люди, которые хотят, чтобы их подбодри-

ли, люди, которые хотят, чтоб их выслушали, люди, которые хотят-хотят-хотят. Вера тяжело вздохнула, первые минуты в офисе были всегда самыми тяжелыми, будто поток настроений уносил ее куда-то, и она вмиг забывала, кто она и зачем пришла.

Повесив шубу в тесной гардеробной, Вера решила украдкой пройти на кухню, что располагалась при входе возле коридора, но тут же была замечена одной из сотрудниц. «О, Вера Анатольевна!» – Вика стояла, опершись согнутой в колене ногой на стул, и, не жалея собственных связок, кричала что-то коллеге в дальнем углу и одновременно прижимала телефон к уху. Завидев Веру, она окликнула ее и подала ей знак, подняв указательный палец вверх – мол, секундочку. Вере не оставалось ничего иного, как только зайти да поздороваться, хотя рано или поздно, подумала Вера, это все равно бы пришлось сделать.

– Всем доброе утро! – Вера постаралась вложить в голос как можно больше кокетства, но сыграть блондинку на сей раз удалось не слишком убедительно.

– Доброе утро, Вера Анатольевна! Вера Анатольевна, доброе утро! – посыпалось со всех сторон на разный манер. Слава Богу, фальши никто и не заметил, все были слишком заняты собой. По этим утренним приветствиям Вера уже точно могла определить, кто подойдет к ней сегодня после урока, было что-то недосказанное, неуверенное в их взгляде и тоне.

Договорив и небрежно бросив на стул свой рабочий мо-

бильный, Вика подбежала к Вере. Ходить вокруг да около было не в ее правилах.

– Вера Анатольевна, а могу я с вами поговорить две секунды?

– Да, я вот собиралась кофе перед занятием выпить...

– О, отлично! Я тоже!

– Чудесно...

Несмотря на то, что над кофемашиной красовалась подробнейшая инструкция, как сделать латте, которую повесили специально для Веры, она все же не чувствовала, что после этого отношения с этим агрегатом потеплели.

– Ой, Вера Анатольевна, давайте я помогу! – Вика несколько отстранила Веру, посмотрела на экран и из дальнего отделения машины принялась вытаскивать контейнер с водой. – Все нормально! Воду просто долить надо!

– Ясно... – Вера потупилась, она же преподаватель английского, в конце-то концов. – Я всегда говорю, что с ней надо по-особому общаться, не для блондинок! – Вера давилась искусственным смехом – надо отказаться от кофе!

– Так вот... собственно, что хотела сказать... – заметно тише пролепетала Вика.

– Да? – это интересней, по крайней мере, здесь она не профан, сейчас реабилитируется.

– Ну, в общем, – не желая смущать кофейную машину пристальным взглядом, Вика спиной повернулась к столешнице и положила на нее локти, – вчера... к маме пришла по-

друга, и... ну, чего-то они там поговорили, а потом, когда я подошла к ужину, она, значит, говорит, ну, мол, как ты, что нового, и, естественно-естественно, давай меня про личную жизнь спрашивать, причем вот так, исподтишка, – Вика подняла ладонь, делая Вере знак подождать, ибо та уже набрала в легкие воздух и открыла рот, – типа, Виик, слушай, а у тебя парень-то есть? Абсолютно ни с того ни с сего выпульнула слова, как из пулемета. И вот из-за того, что это было так неожиданно, я... я начала оправдываться, мол, да, вот у меня Андрей есть, но он вроде и женится, и нет, и... все сложно. Это было так жалко, так мелко, вы даже не представляете... Будто я у нее денег в долг взяла и отчитываюсь. Блин, кошмар просто! – Вика прикрыла лицо ладонью. – Ну то есть мне тридцать четыре года, ну почему я должна себя так вести?

Вера внимательно наблюдала за собеседницей, которая в запале выпалила все одним махом, глядя куда-то в пустоту, будто Веры здесь и не было вовсе, как актриса моноспектакля. Эта Вика – вся она была какая-то бесконечная, длинная, худющая. Ноги, обтянутые леггинсами из искусственной кожи, высокие, почти до колен достигающие ботфорты на шпильке, облегающая декольтированная шерстяная кофта с фиолетовым отливом, длинные (накладные?) ногти, массивные, в виде цветов, серьги, яркие черные стрелки, накрученные и блестящие от лака, выкрашенные темные волосы, желтые зубы – этот вид внушал Вере какое-то почти материнское со-

чувствие да желание накормить бедняжку. Вера часто замечала Вику курящей или потягивающей кофе, но почти никогда не видела, чтоб та что-то ела, и при словах «к ужину» Вера несколько напряглась – но продолжения не последовало...

– Так, во-первых, успокойся, – методично начала Вера, – и давай возьмем кофе, чтобы не остыл.

Вика резко спохватилась и обернулась.

– Ой, да, я совсем забыла, – один стакан она протянула Вере, другой оставила в руках; у Верочки между тем голова закружилась от разлетевшегося по комнате ласкающего дурмана. Вена-Вена, одна лишь ты... Ту-ту-ру-ту-ту ту-ту-ру-ту-ту ту-тууу туруту ту-ту-ру-ту-ту... Так, стоп, о чем это они?.. Ах да!

– Во-вторых, пойми раз и навсегда, что я тебе постоянно говорю, – от «блондинки» уже ни следа. – Ты не обязана никому ничего объяснять. Ты что, каждому встречному собралась о своей жизни рассказывать?..

– Да, но... – теперь была Верина очередь поднять руку.

– «Марья Ивановна – или там – Афанасья Петровна, извините, а вам-то что? Или что, у вас у самой проблемы? За мужа боитесь? Что это вы так моей жизнью интересуетесь?»

Вика потупила взгляд:

– Но как-то неудобно так говорить...

– А вот неудобно, так они и колют тебя, чувствуют больное место. Один раз так скажешь, и все! Мне вот таких во-

просов уже давно не задают...

– А раньше задавали?

– А раньше задавали, но я один раз ответила, и они заткнулись. У мамы вот тоже подруга была, тоже врачиха, такая вот прям, – Вера сжала ладонь в кулак, – тоже прилипла ко мне, а что, да как, да почему, ну я и ответила ей разок, и все, заткнулась. Они не думают о том, что тебе больно делают, так почему ты должна о них думать?

– Точно, иной раз мне вообще кажется, что они это нарочно...

– Так и есть, возможно! – Вера пожалала плечами, мол, что дальше говорить, действовать надо. – Так, солнце мое, сколько времени? – Вера перевернула на руке циферблат. – Пойду уже, без двух девять.

– Да! Вера Анатольевна, спасибо вам еще раз огромное! Я... ну, я постараюсь... Тогда до встречи!

* * *

Из черной кожаной сумки Вера вытащила тетрадь да ручку, аккуратно положив их на стол. Студенты оживленно вливались в переговорную, оставляя за спиной ждущих своей очереди коллег, группы были разделены на уровни. Вера задумалась: интересно, в каком-нибудь новомодном *лофте* Бруклина, переделанном из старой фабрики, люди тоже пускают подобные косо-любопытные взгляды сквозь прозрач-

ную перегородку или же им, как часто пишут, всем есть дело только до самих себя?.. А впрочем, что тут и думать? Только и могут, что бить себя в грудь, захлебываясь показным патриотизмом. Чего это они тут флаг российский не вывесили, в каком-нибудь Бруклине уж точно висит...

Патриотизм – чувство прекрасное, и разве что-то у нас не так? Ведь целая плеяда великих разрослась: Гергиев, Спиваковы (оба!), Мацуев, Цискаридзе, Златопольская, Серебре... хотя нет, стоп нет, опальных вычеркнем – да и русский след несложно отследить даже в самом выдающемся достижении Запада, в конце-то концов, кем как не русскими модистками вдохновлялся Диор?

И все же плеяда – она плеяда, но не помешал бы нынешний курс восхищаться красотами Запада, а то опять сидеть на Щелковской... Патриотично, но все же сидеть... Да и вообще, теперь, когда так сильно запахло в воздухе военным порохом, не вернуться ли ей, пожалуй, в лоно бывшего либерализма?

Вера внимательно выжидала, пока все рассядутся по местам. Она помнила, что незадолго до того, как устроиться на эту должность, сходила на фильм... «Intern»?.. Как-то так... А потом долго удивлялась поразительным совпадением. Нет, ей, конечно, было далеко до него, все-таки, пардон, 60 и 70 – в таком возрасте десять лет становятся целой пропастью, – но определенные сходства явно прослеживались. Ей сложно было поверить, что их манера одеваться (Вика

была, как видно, исключением) – все эти будто спортивные брюки, кроссовки, явно не по размеру купленные пальто – была настоящей, что это не был – протест? Сарказм? Пародия?

Усаживаясь, они первым делом укладывали на стол не учебник, не ручку (у некоторых ее и не было вовсе), не тетрадь (тоже была не у всех), а мобильный телефон, с которым не могли расстаться ни на секунду, нервно проверяя время, отвечая на «рабочие звонки», пока другие вынуждены были молча внимать их не всегда столь уж рабочим разговорам, строча бесконечные сообщения, а в отдельных случаях – и пытаясь подловить ее, Веру, на ошибках.

Нет, она была другой. Костюмы от Шанель (и ничего, что их было всего три – топы ведь разные!), умело скомбинированный ансамбль кристаллов от Swarovski, обувь обязательно на небольшом каблуке, старенький Nokia, даже и не знавший, что такое онлайн. Встречают по одежке, знаете ли...

* * *

Занятия шли одно за другим, Верино расписание в компании было отлажено как любимые швейцарские часы. Четыре пары по полтора часа с перерывами в пятнадцать минут, разноуровневые группы (от Elementary до Intermediate), около семи человек в каждой; директор, или менеджер, занимался отдельно. В каждой группе были свои трудности: у Pre-

Intermediate была жуткая каша в голове (Present Simple, Continuous, Perfect, Past Simple, Continuous, Perfect, Future Simple, Continuous, Perfect – все это прилипло друг другу, образуя неструктурированный ком), у Intermediate порой просачивалось всезнайство, но самым сложным уровнем был, конечно, Elementary, к нему принадлежал и менеджер.

Занятия с Elementary они отныне начинали с так называемой разминки. Вера просила студентов «проспрягать» три глагола в Present Simple и Present Continuous, ибо тема эта для двух из семи студентов явно превратилась из лежачего полицейского в гору Эверест. Они до дыр затерли Голицинского и Мерфи, однако Света и Тимофей по-прежнему путали формы двух времен, что в обычное время лишь слегка озадачивало Веру, но сегодня злило до такой степени, что она едва ли могла найти в себе силы смотреть на них двоих.

– Итак, – начала Вера. – Предлагаю вам снова начать с того, чтобы проспрягать глаголы do, have и study в двух формах настоящего времени, – стоп. Это ее голос звучит так изможденно?! Так, давай-ка включай блондинку Верочку. Что это за сопли измученной училки ты здесь развезла!

– Че, опять, что ль? – зевая, промычал Слава.

Слава был крепким мужчиной в районе 35—40, выходцем из Западной Украины, одним из управляющих на складе. Еще в самом начале Вера отметила, что у Славы имеется неплохой словарный запас, и в целом сам Слава был куда более простым, нежели казался на первый взгляд, ибо казался

он тем еще фруктом. От его шуток и комментариев Фрейд пришел бы в неопиcуемый восторг, недолго думая над тем, что у него скромных размеров и чего ему не хватает. Про себя Вера его так и окрестила – Детородный орган, ибо Славинo телосложение (ну Шрек Шреком, ей-Богу), похоже, дано ему было не иначе как за тем, чтобы запрыгивать на жену, которая тоже работала в компании, но в данный момент была в декрете, и заделывать детей.

Когда Вере становилось одиноко, образ Славы-Шрека приходился как нельзя лучше (может, он именно за этим ей и был дан), она с отвращением представляла, как он ворвется в ее малогабаритку, и хрупкий, сотканный из музыки Генделя, балетов Плисецкой, многочисленных искусствоведческих книг, приобретенных в разных музеях мира, да работ Васильева по истории моды, крайне утонченный мир вмиг упорхнет своенравной бабочкой. И с чем она останется? С готовкой, грудой немытой посуды, нестираными грязными носками, трусами со следами кала и оттягивающим вниз животом, ибо он такой, он обязательно ее обрюхатит. Хотя... в целом это было уже невозможно... НЕ ДУМАЙ ОБ ЭТОМ! Ой, как громко!

Вера повернулась и посмотрела Славе в глаза: к черту блондинку, давай училку!

– Да, опять. Поехали! Так, пожалуйста, Present Simple, начали. Света, я делаю...

Ну конечно же, они запинались и терялись. Они вновь

«путались» и «не понимали», они улыбались ей, подшучивали над собственными ошибками и ждали, что она снова сыграет в попугайку-Попку. Корпоративная преподавательница, всепозволяющая и всепонимающая, чуть что бегущая к доске, «как, ребята, подзабыли?». Она в таблицах изрисует им всю доску, покуда они будут пялить глаза на ее зад (слишком большой? слишком оттопыренный? слишком too much?), а затем в немом восхищении изучать измалеванный черным маркером белый лист, мол точно, надо же, ах да, подзабыли, да вот дело в том, что я таблицы не воспринимаю.

Когда Света невинно бросила ей эту фразу, Вера, что случилось с ней крайне редко – дипломатическая служба приучила ее застегиваться до воротничка, не смогла сдержать эмоций и метнула на студентку огненный взгляд, так что та, видно, благодаря природному малокровию, чудом уцелела. В молодости Вера бы осудила их, но сейчас, по-воздушному мудрая и принимающая людей такими, какие они есть, она стала совсем другой, хотя сегодня, пожалуй, было исключение...

Может, на нее просто неожиданно накатила волна зависти? Им жить еще и жить, а ей... Стоп! О чем это она? Ей тоже жить! Да и при чем тут возраст, когда дело совсем в другом! После более близкого знакомства с ними Вера поняла, что, возможно, виной всему были купленные дипломы и номинальное высшее образование, которые подарили им пустые амбиции и вознесли самомнение на пьедестал. Не будь

всех этих сомнительных регалий, их стремление к знаниям было бы, возможно, чуть сильнее. А ну и ладно, все к лучшему в этом лучшем из миров, где со своим cute accent соловьем поет Карел Готт.

Не зна'я, что может жечь плам'я,
Запытое плам'я,
Давнишней тоской мне сердце сжигайя.

Собираясь после занятия, Лена заметно медлила; в отличие от Вики, она никогда не знала, как начать. Вера всякий раз любовно приходила ей на выручку:

– Слушаю тебя, моя радость, – блондинистая училка.
– Да! Вера Анатольевна, хотела с вами поговорить.
– Что такое? – кошечка.
– Это... относительно личной жизни, – кто бы сомневался. Вера понимающе мотнула головой, мол, продолжай, слушаю.

– Я... Вера Анатольевна, мне так страшно, мне ведь уже тридцать два, понимаете?.. – Вера помнила свои первые впечатления от Лены, когда она приняла эту тогда еще тридцатиднолетку за зеленую студентку. Миниатюрная, игривые ямочки на щеках, красивые глаза, которые *ласкали вас*. Нет, ей никак не могло быть тридцать два, время все-таки иной раз давало сбой. – И по-прежнему одна... Может, я упустила его? Может, это карма? Но за что? Я... не могу сказать, но не то чтобы я очень добрая, конечно, но в целом как

все... – Вера хотела было начать говорить, но Лена, поняв это, только ускорила; они все так хотели высказаться, будто бы сами не верили, что время постыдной игры в молчанку безвозвратно ушло в прошлое. *Time's up.* – Но у меня два высших образования, понимаете? Я немецкий знаю в совершенстве, английский, – она замялась, – учу потихоньку. Я не хочу просто сидеть и ждать, это унижительно, понимаете? Ждать, пока меня кто-то выберет, соизволит выбрать! Ну что это за чушь? Почему так? Вера Анатольевна? Вы поймите, я не хочу всю жизнь быть одна, но и еще больше, верно, не хочу идти за какого-то там второсортника, чтоб помереть в сырой хрущевке или – что еще хуже! – в этом пиковском убожище, всю жизнь выплачивая треклятый кредит! Фу! Чтоб он себе айфоны бегал покупать! – от подобной перспективы она побелела, как мел, и у нее затряслись руки. Вере вдруг захотелось прижать к груди эту девочку и согреть ее своим теплом. Но она точно знала, что распусти она, Вера, сейчас нюни, пучина отчаянья еще сильнее засосет Лену.

– Так, милая моя, а ну-ка вновь собери себя по кусочкам и натяни улыбку, ты же на работе! Все, что ты сказала, существует только в твоей голове, со стороны это выглядит не так...

– Нет, именно так! Все знают, если она одна, с ней сто процентов что-то не так. Скорее всего, она некрасивая!

– ...и ты сама подпитываешь эту «картину мира», – будто бы вовсе не слушая Лену, продолжала Вера. – Все, что

ты чувствуешь, абсолютно естественно, но! Мужчин сейчас в два, а то и в три раза меньше, чем женщин, вычти импотентов, – она подняла вверх большой палец, – нетрадиционных, – в дело пошел указательный, – женатых, – средний, – по той или иной причине несвободных, – вместе с безымянным поднялся и мизинец, – и... – Вера растерянно посмотрела на непристроенный мизинец, – просто странных, каких сейчас тоже полно. Кто остается?

– Не знаю...

– Да какие-то жалкие проценты... Выбирать не из кого, понимаешь это?

– И... к чему вы клоните?

– Да к тому, что женское одиночество, милая моя, отныне не феномен, а проза жизни.

Лена потупила взгляд:

– И что мне теперь делать?

– Ну тут есть два варианта. Ты можешь разыграть *майскую ночь*, или *утопленницу*, но тогда, даже если Бог и уготовал тебе личное счастье, ты никогда его не познаешь, либо ты можешь жить дальше, занимаясь саморазвитием. Тело – оно что? Сгниет никому не нужным! А душа – она вечна, так вот занимайся душой, ты с ней ой как надолго. А что касается одна не одна, помнишь, что нам там Скарлетт говорила? Я не одна, со мной Бог.

После второго занятия (с Pre-Intermediate) к Вере подошла Саша «по личному вопросу». Она мялась сильнее обычного и явно не знала, как начать. Вера, любовно разглядывающая ее разлетающиеся кудряшки – до чего красиво! – решила ее подбодрить.

– Что такое?

– Вера Анатольевна, я хотела бы у вас кое-что уточнить, но как бы... это не совсем... это неловко...

– Ну ты начни, а мы посмотрим, – вальяжно протянула Вера, не глядя Саше в глаза. Блондинка или училка?!

– В общем, Вера Анатольевна, я хотела у вас уточнить... эээ... а вы занимаетесь частной практикой? – осторожно начала она.

– Ах, об этом! Да, конечно! Сейчас уже меньше, но вообще да!

– Я просто... мне очень нравится с вами заниматься, подумала, может быть, мы могли бы заниматься индивидуально, потому что у меня много пробелов.

– Да, конечно, но я могу, сразу предупреждаю, только по субботам, – училка!

– Да, это подходит... А вот по цене? Как бы...

Вера мысленно правой рукой сжала сердце и, не глядя Саше в глаза, механически выпалила.

– Полтора часа – шесть тысяч. Я знаю, это дорого, но я и так снизила, рубль стремительно падает.

– Это... ааа... – Саша пыталась проконтролировать, чтобы не выкатились глаза.

– За меньше я не готова!

– Я поняла, я... я тогда подумаю, хорошо?

– Да-да, конечно!

* * *

Выходя из офиса значительно раньше, чем обычно, ибо сегодня она была вынуждена провести только два занятия, Вера все еще обдумывала разговор с Сашей. Да, студентка ей была очень даже приятна, однако, как говорят великие: «Игнатиус Муллинер, молодой человек, мог поиграть с мыслью о том, чтобы угодить любимой девушке, написав ее портрет за спасибо, но Игнатиус Муллинер, художник, соблюдал свою шкалу расценок»¹.

Саша, эта двадцатитрехлетняя крайне хорошенькая стажерка, ничего не знала о времени, да и откуда ей было знать? Она не знала, как часы иной раз будто издевались над ней, все подгоняя и подгоняя стрелки вперед, а иной – они останавливались. Нет, правда, без шуток, однажды она была свидетельницей того, как остановилось время.

¹ Игнатиус Муллинер – герой рассказа из сборника П.Г.Вудхауса «Вся правда о Муллинерах».

Это случилось много лет назад, когда она загорелой знойной златовлаской (волосы тогда сильно выгорели) в позолоченных босоножках прилетела из Гаваны, где была по дипломатической миссии, и вскоре родила сына. Головокружительные романы, государственные тайны, встречи со знаменитостями и прочая совершенно невероятная жизнь (это точно была *ее* жизнь, эти воспоминания – не сон?), о которой, впрочем, она и сейчас не могла сильно распространяться, остались в прошлом, сменившись на пеленки, бесконечную стирку и приближающуюся денежную яму. Привезенные из Гаваны вместе с морским бризом деньги таяли, и перед Верой вскоре встал выбор: выходить на работу и нанимать няню либо что-то придумывать, как-то выкручиваться. Родившаяся спасшая их идея, впрочем, принадлежала вовсе не Вере, а ее матери и заключалась в следующем: найти учеников. Да, Вере пришлось осесть.

Работа ей жутко не нравилась, это явно была не Гава-на. Тугодумные ералашные ученики младших классов, ничего так не желающие, как поскорее сбежать с урока, постоянно ерзающие, неусидчивые, делающие домашнюю работу за пять минут до выхода, чьи родители соблазнились близостью к дому и крайне низкой ценой. Когда они возвращались к ней после дачного сезона, все как один русые, с выгоревшими у корней волосами, она с трудом сдерживала эмоции, видя, как все, что она год так усердно в противотоке закладывала в их окутанные ленивой дремой головы, за каких-то

жалких три месяца полетело к чертям собачьим.

Нет, это, право, было невозможно, ни одни, даже самые тугие переговоры, не могли сравниться с бесхозным ребятенком ленивых родителей, который чуть что надувался да распускал нюни. В конце концов, у Веры выработался иммунитет на их сопли, и они даже перестали раздражать ее (ну поплачь-поплачь, тряпка!); она все фанатичней начинала ценить собственное время, которое имело особенность просто останавливаться на занятиях с особенно безнадежными.

Половина – и через половину (так по крайней мере казалось Вере) половина – а через час (!) вновь та же половина. Однажды Вера не выдержала и заподозрила часы в неладном, нет, они явно остановились, она постучала по ним, но стрелки так и не сдвинулись, намертво приклеившись к половине пятого (чего она далась им?). Вера осерчала и хорошенько ударила их о стол, так что сидящая за другим столом Ольга (бездумная зубрила!) даже вздрогнула. На подобный выпад часы как будто обиделись и с тех пор еще целый час показывали чертову половину. И тут Вера увидела, бросив на ученицу полный слабо скрываемого презрения взгляд, что на самом деле тут происходит: она, эта сопливая матрешка, ЕСТЬ ЕЕ МОЛОДОСТЬ. На следующий день Вера купила новые, электронные часы, они оказались едва ли лучше предыдущих, ну может, чуть-чуть реже засыпали.

И с тех пор Вера поняла: если уж и заниматься подобным, то за деньги, за настоящие деньги. Деньги, на которые она

могла себе что-то позволить, ведь далеко не ее вина, что инфляция черной магией окутала Россию. Тогда она поставила сумасшедшую по тем временам тысячу рублей, которая постепенно обесценилась до шести. Люди принялись бросать на нее свои потрясенные оценивающие взгляды (да и что ей с того, она в Союзе умудрилась родить ребенка одна, ее козыми взглядами не испугаешь!) – мол, теперь ясно, на какие деньги вы ездите по своим летним «дачам»: Австрия, Швейцария, Германия – и Волга из учеников обратилась в Язу: пропали школьники, которых родителям было необходимо занять в перерыве между школой и танцами-театральным-дзюдо, на их место пришли старшекласники, которые постепенно начали сменяться вузовскими, а затем и взрослыми работающими.

Да, их отныне было не так много, ибо шесть тысяч для Москвы – сумма запредельная, хотя при этом каждый в душе понимал, что это ничто: российская столица решила по стоимости жизни обогнать нью-йорки да парижи. Однако и отношение студентов к занятиям за подобную цену поменялось в прямо противоположную сторону: от полного равнодушия до крайней заинтересованности. Вера и сама стала относиться к «частникам» по-другому, они задавали ей дополнительные вопросы, а она с горящими глазами отвечала, закидывала их цитатами из великих, по ночам писала для них «вкусные» топики, чтобы они блеснули где-то там в своих кругах, и бросила использовать свой доселе любимый приемчик:

спросить у них что потяжелей, чтобы лишний раз показать им, какими idiots они были (что, впрочем, никоим образом не побуждало их работать усердней).

* * *

На выходе из «Экспресс Перекрестка» в центре Москвы Вера кто-то окликнул. Женский голос, кто это мог быть? Голос знакомый вроде, кто-кто? Она обернулась и увидела шедшую ей навстречу молодую женщину. Ох, Боже!

– Вера Анатольевна, это вы! Не верю своими глазами, вот так встреча!

– Юля, дорогуша, ну здравствуй! – определенно блондинка.

– Вера Анатольевна, как вы? Выглядите прекрасно! – Вера кокетливо приподняла плечико – мол, да ладно! – и игриво тряхнула играющими на солнце золотистыми кудряшками. Россини – «Шелковая лестница» – жизнь определенно хороша!! Стрекозкой нестись по влажной от утренней росы траве – стопы босые – и напевать тууууу-туру-тутурутутурутутурутутурутуту-тттуууууууу-туруруруруру-тттуууууууу-туруруруруру. Ох, Вольтер-Вольтер, как ты был прав, как верно ты подметил!

– Спасибо, дорогуша! У меня все, как обычно, хорошо...

– А что вы делаете в этих краях? Что-то интересное, выставка?

– Нет-нет, я же теперь здесь рядом работаю, уже полтора года, но по-прежнему считаю это своей «новой работой», – засмеялась Вера.

– Ой, здорово! И я здесь, через дорогу!

– Ну ты по специальности? Веб-дизайнером?

– Да, по-прежнему!

– А как вообще дела?

– Да все хорошо... неплохо, – Вера заметила ее отведенные глаза и сникший вид. – Я замуж второй раз вышла. Да, больше уж не Орлова...

Вера почувствовала, как отчего-то сжалось ее сердце.

– Да ты что! Ну поздравляю! Счастливы?

– Да! Ну, не совсем, может, на одной волне, как... как с Лешей, но... – она выдохнула и как будто сама для себя вынесла вердикт, – неплохо, неплохо...

– Ну и хорошо, – какая там блондинка, мамочка!!

– А... как... а...

– Леша неплохо, ну, как обычно, я говорю, сплошные у тебя ups'n downs, кошмар, – Вера засмеялась. – Женился тоже, сын вот родился у него, уже развелись, – Вера пожала плечами – мол, такие вы нынче пошли, несерьезные какие-то все...

– Ааа... – у Юли совсем плохо вышло скрыть удовлетворение от столь сладких новостей.

– Да, а выставки, «дачи» – все это осталось! Надо жить вкусно! – блондинка, ох блондинка!

– Да-да, я согласна! Если честно, мы с мамой часто вас вспоминаем, чуть ли не каждый день, думаем, потеряли такого хорошего человека, очень грустно! Вы знаете, Вера Анатольевна, вы как алмаз, правда, сверкаете и всех вокруг освещаете собственным сиянием, – Вера едва могла устоять на месте, сдерживая собственные бедра да плечи, представляя, как заберется на ближайшую bench и как заголосит:

And Venus was her name.

She's got it,

Yeah baby, she's got it.

Well, I'm your Venus,

I'm your fire

At your desire (a теперь все вместе!!):

Well, I'm your Venus,

I'm your fire

At your desire!

Но Юля, казалось, была настроена на совершенно иную частоту:

– Я только сейчас начала ценить, если честно, что мы потеряли – мы потеряли вкус жизни! И я теперь с такой любовью вспоминаю, как приходила к вам, помните?.. Нашу свадьбу, как мама для вас специально пальчиковые пирожки испекла с мясом, а вы нам такие добрые слова сказали, никто таких не сказал, только вы! Вы не Леше сказали, вы мне сказали! Мне, понимаете? Вы сказали, ты берешь эту девочку

в жены, береги ее, холь ее и лелей, она нежная добрая девочка, исключительная! Сбереги вашу любовь... А мы не сберегли – не сберегли... – Юля прикрыла глаза тыльной стороной ладони правой руки. Вера почувствовала, как хочет выпрыгнуть из груди ее сердце и как запыльхали уши, зачем-зачем она ее повстречала? Зачем ей только понадобилось идти в этот – будь он трижды проклят – магазин! Вера обняла Юлю, поцеловала ее в светлые волосы и прошептала:

– Не плачь, моя девочка, не надо, все хорошо! Я тоже скачу! – и ушла.

Она в каком-то забытии и с пеленой на глазах (какое у нее давление, она же сейчас рухнет?) зашла во внутренний двор дома, прошла на детскую площадку, села на лавочку и разревелась. Разревелась, как девчонка. Слабачка. Слышишь?! **ТЫ ЖАЛКАЯ СЛАБАЧКА! ПЛАЧУТ ТОЛЬКО СЛАБАКИ!** Нет-нет, ну что ты, иногда и поплакать можно. Ну ладно, раз можно, так плачь. **СЛАБАЧКА!!!**

And you can see my heart, beating,
You can see it through my chest.
I'm terrified but I'm not leaving, no...
I know that I must pass this test.

Протяжно распевал в голове голос прекрасной мулатки. Нет, правда, они что, думают, она железная, что ли? Вера посмотрела на купленные только что творог (5,5%, «Домик в деревне») и ветку бананов, какой там ланч, когда кусок

в горло не лезет. Она Бог знает сколько сидела, бессмысленно глядя, как какой-то мальчик раз за разом поднимается на горку, потом скатывается, потом снова поднимается, потом скатывается и т. д.

Ну и тишина во внутренних дворах этих старых некогда таких престижных московских домов, даже слышно пение птиц, хотя гул тоже немного, все-таки вон оно, Садовое... Интересно, здесь хорошо жить или не очень? Так-то, конечно, хорошо, до музеев близко, до театров, до институтов, до центра, в конце-то концов, но окна, ох, наверно, как окна тут пачкаются, каждый день мыть, да и не откроешь, пыль да гул. Нет, тут однозначно надо хороший стеклопакет поставить, а ведь сколько это денег съест... Мама дорогая! Покупка, установка, сборка... Да и найти еще надо, кто бы установил все это дело, чтоб назавтра не рухнуло. Да, тут не соскучишься! Щелковская ее все-таки как-то проще, там и без стеклопакета живи да радуйся. Вера усмехнулась. Вот так, давай-ка, давай, смейся! Стоп. А сколько времени?

Вера перевернула надетые на правое запястье часы и посмотрела на циферблат. Боже! Она вмиг поднялась. О чем она только думала? Пораженная сама собой, она припустилась к метро. Из перехода жалобно доносилось:

*Полупустой вагон метро, длинный тоннель,
Меня везет ночной экспресс в старый отель,
И пусть меня никто не ждет уууууууууу дверей,
Вези меня, ночной экспресс, везишишиши меняяяяяяя*

скооооорей.

О нет-нет-нет, пожалуйста, только не эта песня! Нет, умолкни! Сейчас ведь привяжется! Нет, Верочка, переключаемся! Так, вспоминай! Глорья, Глорья, туруру-туруру. Глорья, Глорья, туруру-туруру, иии Венченци с нео... иии Венченци с нео... (приглушенно) – напевала она, толкая дверь метро, изо всех сил сопротивляясь безудержной волне ветра, которому было будто невдомек, что она только позавтракала – и то неплотно!

Глория (по нарастающей), Глория, Глория, Глория, иии Венченци с нео... Глория, Глория, иии Венчееееенци с нео... туруру-туруру, Глорья иии Венценцио, Глорья и Венценцио, Глорья и Венценцио с неооо...

Так, Верочка, все будет хорошо, все будет хорошо. Успокойся, Верочка, повторяла она как мантру, заходя в вагон. Последнее, что она помнила тогда, знойным летним днем 15 года, перед тем, как наркоз начал засасывать ее в какое-то белое покрывало (но теплое, уютное, постиранное «Лаской»), она пела «Глорию» – надо помнить мотив, слова, только бы не задели мозг, только бы мозг не задели... Какое счастье, когда исполняют «Глорию»...

* * *

Пытаясь хоть как-то отвлечься, Вера с самым непринуж-

денным видом принялась рассматривать прочих пассажиров. Мммда... Какие-то они все были неприглядные, неинтересные, никого колоритного, хотя нет, мальчишка вот вроде ничего. Интересно, сколько ему лет? На вид – не больше двадцати двух, хотя эту молодежь теперь фиг раскусишь, все как на подбор – школьники. Массивные ботинки, рюкзаки, шапки. Ей, конечно, уже «не шестнадцать» (ну то есть, если по чесноку), но, сказать по правде, перспектива нянчиться с недееспособными дедами ей тоже не улыбалась. Ей надо вновь почувствовать, что она женщина, она ведь все еще женщина – правда? Как в прошлый раз с Володей...

Эх, да, бедный Володя, а ведь он ее на целых десять лет моложе... Где он сейчас?... Да все там же, верно, возит туристов по Рейну, попивая рислинг. Она бы, кстати, сейчас не отказалась от фужера хорошего белого, правда, желательнее полусухого. Промелькнула мысль, что, если все будет хорошо (дай Бог, дай Бог, дай Бог!), это обязательно надо отметить! Другое дело, конечно, с кем отмечать? Разве не она собственноручно засекречивала все это усердней Уотергейтской истории?... Не дай Бог, ее подведет голос или взгляд, нет-нет, засекречиваем-засекречиваем, играем блондинку! Никто не должен знать.

Шапочные знакомства были всем прелестны: там блеснешь, здесь в блондинку сыграешь, тут комплимент сорвешь, кокетливо подмигнешь. Но у них было одно существенно «но», почти перекрывающее все эти прелести: они

закрепляли за собой образ. Умилительный образ веселушки-хохотушки, которая не жила – нет, а купалась во всеобщем восхищении, которую никто – не дай Бог – не видел «не в духе». И с этим образом как-то совсем не сочетались ни депрессии, ни болезни, будто он весь, и так, впрочем, крайне шаткий, тут же вмиг рассыпется как карточный домик – и что она тогда будет делать? Людям неинтересны чужие проблемы, она станет для них обузой, и они будут шарахаться от нее, боясь остаться наедине – вдруг она загрузит их своими трудностями да неприятностями.

Она перестанет быть *не такой, как все*, изюминкой любой компании, вишенкой на торте, она видела себя их глазами, и это окрыляло ее, будто она действительно была такой, будто ей почти удалось обвести вокруг пальца всех, включая и себя. Но если она разноеется и если они – не дай Бог – начнут ее жалеть, она утонет в боли отчаянья и жалости к себе, от которых было иной раз по-мазохистски тепло на душе. Прийти домой да поплакать, сидя в любимом кресле, и по всему телу разливается блаженное чувство. Нет, себя ей открывать никому нельзя...

Вот если бы был кто-то, кто-то настоящий, не шапочник, который мог бы даже после такого, когда она вдруг стала олицетворением проблемного человека, воспринимать ее по-прежнему веселушкой-хохотушкой. Надо подпускать людей ближе, но, может, это вовсе и не она виновата? Может, это времена такие настали, «шапочные»?

Она вдруг вспомнила Веру, свою тещку, бывшую соседку с нижнего этажа, и душу будто больно ущипнули. Ну давай-давай, пожалей себя, бедная ты, несчастная, дорогуша, совсем одна. Пожалей себя, тебе так плохо, милая, ты так скучаешь по родителям и внуку, даже по этой дурынде Верке-соседке, пожалей чуть-чуть, поплачь, не стесняйся.

Вера резко дернулась, так что сидевшая рядом женщина несколько в испуге покосилась на, казалось, неадекватную попутчицу. Пусть этот мир летит к чертям собачьим, пусть они все играют свой сюрреалистичный спектакль, **ОНА НЕ БУДЕТ ЖАЛЕТЬ СЕБЯ!** Вера, вторая бывшая невестка – да они просто агрессивные дебилы – да, он прав, в конце-то концов – пусть лучше мир прогнется под нас. Ей что с того? Конечно, все это полная ерунда насчет двадцать пятого кадра и так далее, и Россия сейчас безусловно переживает свой расцвет: расцвет патриотизма, культуры и экономики – но что касается этих двух матрешек, он угадал – агрессивные дебилы.

Да у кого вообще в наши дни есть лучшие друзья? Все ведь это нынче устарело, отмерло, видимо, вместе со стационарными телефонами. Мобильный звонок – мобильный разговор. Все в спешке, всем не до дружбы. По правде говоря, когда она сама в последний раз кому-либо звонила на домашний, она же и свой уже не снимает совсем – одна реклама (вам нужен интернет – да не нужен мне ваш интернет, хотят всех в эту сеть запихнуть – не выйдет!), только если

знает, что ей кто-то позвонит, нет, она любит эсэмэски. В сообщении как-то проще высказаться, много комплиментов, улыбок, звездочек-поцелуев, по телефону все всегда прозаичней. Но возможна ли дружба по эсэмэскам, шапочные знакомства – это дружба?

После каждого занятия она принимает целую очередь «просящих», они рассказывают ей все в мельчайших подробностях, самые личные детали, как правило, конечно, все это так или иначе было связано с личной жизнью, женщины в этой области крайне уязвимы, но при этом она чувствовала, что не знает о них ничего, совсем ничего, будто все эти подробности частной жизни ничего не значили, будто они делились с ней впечатлениями от жизни, но не делили с ней свою жизнь. Когда дело доходило до ее секретов, что порой будто тяжелыми камнями топили душу, все эти «просящие» оказывались обычными шапочниками.

Ученики, которые хотели, чтобы она разрешила их личную жизнь, соседи, умолявшие помочь их детям с домашкой по английскому, – все они были такими же жалкими шапочниками, и, в конце-то концов, пришло вдруг в голову Вере, это ей их надо было жалеть, а не наоборот, да, жалок тот, кто в первую очередь всегда ставит собственную нужду, кто на другого смотрит с меркантильно-оценивающим блеском в глазах.

Зайдя в ненавистное здание – ладони потные, ступни леденющие! Люди рассекают коридоры – пугающее зрелище! – Вера тут же прошла к заветному плакату. О горы! Дайте мне сил!

Примерно через два часа Вера вновь пришла к этому месту: ладони высохли, ступни прогрелись, но тело все еще слегка потряхивало, будто она выпила ведро черного кофе, а сердце учащенное билось. Спасибо, Монблан! До встречи в августе, в Швейцарии! Верочка подмигнула запыленному безэмоциональному плакату. По дороге до метро она решила позвонить сыну. Удивительно, но он взял сразу, после первого гудка.

– Алло!

– Алло, привет, Леш, как дела? – ла-ла-ла-ла-ла-лай ляляля.

– Мам, как прошло? – проигнорировал он ее вопрос. В голосе нотка волнения – приятно!

– Все хорошо! Все отлично даже!! Она сказала, теперь только через год прийти, через год, представляешь! – ла-ла-ла-ла-ла-лай ляляля.

– Фух... мам, я прям выдохнул. Слава Богу!

– Точно! Ну ладно, а то я в метро захожу! – ла-ли-ля-ля-ля-ляй ляляля.

– Ты домой?

– Да, – ла-ли-ля-ля-ля-ляй ляляялиииилай.

– Ладно, я тогда загляну к тебе вечером.

– Супер, целую!

– Мам...

– Да?

– Я люблю тебя!

Как она доехала до дома, Вера не помнила. Как будто кто-то как по волшебству перенес ее на лестничную клетку собственного дома. Голова беззаботная, легкая, светлая! О чем она только думала сегодня? Да разве все это имеет хоть какое-либо значение? У нее есть жизнь – остальное приложится! И она уже знала, что, придя домой, включит не Генделя, Штрауса или Россини, нет, она включит ее. Кое-как бросив шубу и на ходу снимая ботинки, Верочка подбежала к шкафу, достала кассету и вставила ее в магнитофон, подсоединив тот к розетке.

* * *

Гена и Света удивленно подняли головы, что там происходит наверху, что это за топот – вечеринка? Через открытые окна доносились кинутые в угаре строчки:

Весенний легкий быстрый ветер

Застрял надолго в тормозаааааааааааах!

Рок-хоп-чоп-чоп, эй рок хоп-чоп-чоп
Эй рок-хоп-чоп-чоп, агаааааайййййййййй!
Рок-хоп-чоп-чоп, эй рок-хоп-чоп-чоп
Эй рок-хоп-чоп-чоп, агаааааайййййййййй!
Огнями залита моя Москва,
И чудесами грезит ночь.
Ах эти желтые ботинки
Бегут от Чайки прооооочь, проооооооооооочь!
Бросают Чайку и бегут в ночи
Из крокодилей кожи лодочки,
И пробежать по
Сретенке домой
Ботинки-лодочки берут с собооооооооооой!
Рок-хоп-чоп-чоп, эй рок-хоп-чоп-чоп,
Эй рок-хоп-чоп-чоп, агаааааайййййййййй!
Рок-хоп-чоп-чоп, эй рок-хоп-чоп-чоп
Эй рок-хоп-чо-чоп, агаааааайййййййййй!

(Верочка изображала египетский танец, танец живота, лунную походку, твист и *танец* Умы Турман из «Криминального чтива» одновременно!)

Света махнула рукой – мол, мне дела нет – и ушла на кухню, а Гена так и остался стоять у окна. Нет, это что, Вера Анатольевна, что ль, там так отжигает? Прикольню!

– Слышь, Свет?

– Ну, – донеслось из кухни.

– А че Агузарова пропала-то?

– А я почем знаю?!

Заметка (выпуск тот же)

Абика² сидит на лимонах

Ангел Victoria's Secrets татарского происхождения (все сравнения АБИКИ с Ириной Шейк, как известно, всегда в пользу АБИКИ) АБИКА на сей раз решила попробовать себя в роли знатока телевизионной игры «Что? Где? Когда?». Дебют модели пришелся на первую игру весенней серии.

Несмотря на то, что внешний вид АБИКИ вызвал восторг прочих знатоков (на модели было «голое» платье в пол с радикальным декольте и убийственные smokey eyes), ее готовность к игре вызвала неоднозначную реакцию ее партнеров по команде.

После того как началась минута обсуждения, АБИКА просто ошарашила команду беззаботно брошенной фразой: «Нет, а я даже и не поняла, что он спросил...» Как опытный капитан Балаш Касумов счел своим долгом пересказать «зеленому» игроку вопрос, пока другие обсуждают версии. Но тут вмешалась природная АБИКИна тугость на слух. Балаш говорил «афиша», АБИКА кричала «грыжа?», Ба-

² Бабушка по-татарски.

лаш орал «мотив», АБИКА вопрошала «детектив?», Балаш, лихорадочно трясясь, завопил «вопрос», АБИКА невинно спросила «понос?».

Как очевидно из представленных выше фактов, АБИКИн дебют обернулся полнейшим фиаско, и на втором вопросе покрасневшийся Балаш попросил АБИКУ покинуть команду. Модель, однако, не унывает, по ее словам, «она даже и не поняла, что произошло», однако вскоре в ходе частного расследования «Московских будней» (далее просто «Будни») всплыл необычный факт: якобы незадолго до игры на АБИКИну карту Visa некий Александр Друзь перечислил из США крупную сумму денег...

Луговая идет ва-банк

Перестали работать старые механизмы достижения личного преуспеяния при игнорировании общественных проблем.

*Дмитрий Травин,
«Возвращение морали»*

Если вам когда-либо доводилось, подлетая к подмосковному аэропорту Шереметьево, наблюдать из окна иллюминатора за симметрично застроенными окрестностями, то ваш глаз просто не мог не выхватить мимолетным взором этот славный оазис, от которого, конечно, уже слабо, но все еще веяло душистым лугом, росистой травой и кислой тиной, но который все сильнее задыхался и все больше сжимался в тисках урбанизации. И вы, конечно, узнали это место – эту дубовую рощу, виляющую дикую речку, желтое поле, поредевший лес – конечно, вы узнали эту старушку-ветеранку, которой принадлежат все эти трофеи, свидетельницу тех страшных дней, некогда захлебывающуюся в крови, а ныне горделиво выставившую свою упавшую на живот, сморщенную, но все еще по-матерински теплую грудь с обилием почестей, – на ее аскетичной платформе крупными буквами написано «Луговая».

Узенькая заасфальтированная тропка, на которой едва ли разойдутся двое, стелилась вдоль горделиво расправивших свои плечи после бесконечной зимы берез и дубов. Рошица эта между станцией и домом всегда представлялась Роме неким подобием мостика между двух его миров, корпоративным и домашним, по сути, синтезировавшимся единым организмом в виде какой-то мерзкой гидры с двумя огнедышащими головами. Везде надо было играть по правилам, играть разученные роли-архетипы, которые вовсе и не отражали его истинной сути, но отчего-то из всего обширного спектра возможностей он вновь и вновь выбирал именно их, будто они стали для него чем-то большим, чем просто социальные маски... Может, это и правда был он? Может, он просто был *такой*?

Электричка давала ему уникальную возможность для эксперимента, вот он уверенно заходит, садится колоритной фигурой, широко расставив ноги, подражая *ему*, аккуратно скользит взглядом по остальным пассажирам, интересно, они купились или нет? Хоп – и кто-то ловит его взгляд, он никогда не умел выдерживать это испытание, он всегда знал, глаза не умеют хранить секреты. Колени сами, будто от отчаянья, склоняются друг к другу, разочарованно опускаются плечи – и рослый господин на глазах превращается в суту-

лого дылду. Ты жалок, ты просто жалок...

Играть по правилам – играть по правилам, он много думал об этом в последнее время, и, хотя на поезде он ездил всего две остановки, Рома часто проецировал ситуацию из фильма³ на себя: подсядь к нему эта незнакомка, что бы выбрал он? Играть по правилам, подчиняясь трусости и архетипическому мышлению, или играть по-крупному, рискуя всем и ничего не боясь? Он, конечно, знал, что вопрос был бессмысленным, ибо даже после того, как правила отхаркнули ему в лицо мерзкой желтой мокротой, он бы сам никогда не пошел ва-банк. Раб архетипа, раб китча, раб шаблонов.

Но в этой аллейке он не был артистом; будто в мыльном пузыре, окутанном плацентой, здесь он был просто телом с душой, без прошлого, без будущего, очарованным этим мгновением, дарующим ему самую главную, но недостающую в его жизни возможность – возможность просто быть самим собой, ибо, едва выйдя на Плетеную улицу или лишь занеся одну ногу, чтобы войти в электричку, *собой* он уже быть переставал, он становился сыном, человеком-который-живет-с-родителями, потным пассажиром (а он всегда потел), который ерзает, типом, что переборщил с дезодорантом, невеждой, что не уступил старушке место, ибо прикорнул, *водителем погрузчика*... и еще Бог знает кем, но только не Ромой, а кто он был вне этих ролей – знала лишь одна его спасительная аллейка.

³ Имеется в виду фильм «Пассажир» 2018 года.

Березы, дубы и заметные проплешины с правой стороны, сквозь которые виднелось поле... Скоро все это будет обка-
тано, объезжено, высотки разрастутся – дай им только во-
лю – как грибы после дождя, жалкие клетушки которых бу-
дут охотно заселены сотнями тысяч россиян, стекающихся
в Новую Москву в поисках лучшей доли, а за ними потянут-
ся и безвкусные торговые центры, в которых днем, дабы ско-
ротать время, уныло слонялись выходцы из Таджикистана.
Но до этого еще годок-другой, а пока выбегай и лети себе
продуваемый ветром, Рома, Саша, Петя, да зовись ты, как
душе угодно, ни аллее, ни полю, ни Богу – никому это не важ-
но.

Мальчишкой он любил назначать свидания матушке-при-
роде, она была его самой вожаденной красоткой. Летом, ча-
сов в восемь вечера, когда уже медленно начинало садить-
ся солнце и потихоньку спадал дневной зной, он прибегал
на смотровое поле (*Побегу по мягкой стезеке // На приволье
зеленых лех*), ложился на траву: голова на стог сена, ноги
согнуты в коленях, одна висит на другой – и любовался цве-
тами заката – оранжевый, красный, фиолетовый – провожая
очередной день своей жизни, и казалось ему, будто время,
часы, годы, старость – все это создано человеком, не приро-
дой, и, раз никто не видел времени, значит, его, возможно,
и нет, и лежи он здесь хоть целую вечность, никогда не по-
взрослеет.

Женя прибыл на Савеловский вокзал раньше времени и вынужден был ждать на платформе номер 9 и $\frac{3}{4}$ (шутка!) вместе с остальными ранними, пока подадут поезд. Он неприязненно покосился на девушку справа – серая футболка была неаккуратно заправлена в расклешенную мятую белую юбку, спортивные туфли надеты на босые ноги – зачем она встала так близко к нему, неужто ей было места мало? Высматривая поезд, она то и дело отвлекалась на телефон, постоянно проверяя его, а затем с улыбкой вдруг принимаясь что-то строчить. Чему она улыбается? Будто кто-то стоящий мог заинтересоваться такой неряхой. Стоп. Женя осекся, он же вроде пообещал себе больше не судить людей, хотя сама мысль о том, что он должен думать, что думает, казалась ему просто абсурдной. Он был несвободен даже в собственном сознании – бесталанный актер театра абсурда.

Еще совсем недавно, утром, он, сидя в своем литфондовском кабинете, любовался летним обликом любимого города – Москва вся расцвела и надушилась сиренью, в городе уже летал пух, в воздухе веяло интригующими балетно-оперными июньскими премьерами, Жене, который был зачарован магией своей драгоценной малой родины, хотелось танцевать – а теперь же он мечтал только об одном – поскорее вернуться *домой*.

Досадный инцидент, от которого до сих веяло полным неудовлетворением от сегодняшнего дня, случился уже под конец его утренней смены, когда опоздавшая пациентка, которую он уже и не чаял увидеть, вдруг застала его добродушно хохочущим над «Муллинером».

– К вам можно? – Женя вмиг отметил, как хороша была эта маленькая просунувшаяся в дверной проем головка, и, с любопытством изучая появившийся силуэт, отложил книгу.

– Да-да, присаживайтесь, вот сюда. Хорошо.

Женя неловко улыбнулся сидящей напротив девочке, получив в ответ какую-то вымученную улыбку. Проблемная... ох уже ему эти проблемные!

– Вижу, беспокоит вас что-то.

– Да! – без колебаний заявила она.

– Что именно? – Женя сменил тон на докторски-фальшивый, которому не под силу было скрыть обычное человеческое любопытство. У него уже целую вечность не было «интересных» пациентов.

– У меня... ну как бы вам сказать, в общем, у меня страхи.

– Ммм, – Женя впечатывал в компьютер «страхи», чувствуя себя глупым шутком, ибо он так и не приноровился к этой – пропади она пропадом – электронной карте. – Страхи какого рода?

– Да... ну... там всякого...

– В смысле? Чего именно вы боитесь? – Женя бросил

на девушку взгляд поверх очков.

– Да всего!

– Ну например?

– Я боюсь общественных мест, боюсь ресторанов, театров, метро – да! жутко боюсь метро, самолетов, ну еще и пожаров, засыпать боюсь, в общем... всего, – невесело заключила она, пожав плечами – мол, не моя вина, психика такая.

– То есть смерти, верно? Вы боитесь умереть? – спросил Женя, про компьютер он и думать забыл, тут ведь такое!

– Вероятно... наверное, да.

– Хорошо, а есть что-то, чего вы не боитесь?

– Эээ... нет!

– Мм... и давно это у вас? – Женя вновь вернулся к мудреной клавиатуре (нельзя было в алфавитном порядке буквы расставить?!). – Или вы уже не помните, когда это началось? Может, причина какая была?

– Я помню! Это не на пустом месте возникло. Все началось после Дубровки... – Женя лихорадочно повернулся, неловко задев и уронив локтем левой руки покоящуюся на столе ручку. – Ну после...

– Да-да, я понял!

– Все нормально? – перекосившееся, будто от боли, лицо психиатра напугало ее.

– Да... я помню... Ну... это ведь давно было, что уж вспоминать теперь, – скороговоркой добавил он.

– Но и забывать нельзя!

– А толку помнить?! – резкий тон Жени вновь насторожил впечатлительную пациентку: психиатр сам, по-видимому, был психом. – Было и было, примите да смиритесь.

– Я не хочу с этим мириться, да и можно ли! – возмущалась пациентка. – Зачем-то ведь это случилось!

– Вы что, всерьез верите в какую-то высшую подоплеку всего происходящего?

– Да, верю!

– Пфф... – напускной цинизм так и лился из него. – Мой вам совет – забудьте все и не копайте впредь так глубоко – ни к чему хорошему это не приведет.

– Как я могу «не копать так глубоко», если я такая? Я постоянно думаю: вот что если я зайду не в тот вагон или полечу не тем самолетом?..

– А вы не думайте, не думайте, и все!

– Я не могу!

– Ну так и будете жить в страхах! Отвлечитесь, вам надо отвлечься, – он взял в руки «Муллинера» и протянул книгу пациентке. – Рекомендую! И вообще, вам надо, как у Джерома Клапки, чего там: пинту пива, стейк, хороший сон, ну и прогулки на свежем воздухе.

– Я не ем мяса! – заявила она.

– Ууу... а на свиданья ходите?

– Нет! – лицо пациентки зашло красными пятнами.

– Ну вот отсюда и проблемы!

– Ясно, доктор, спасибо!

– Да ладно-ладно, чего уж там! Выпишу я вам таблетки, но только, скажу вам честно, все это... – он помотал головой, поджав губы – мол, бесполезно, и опустил глаза, не желая выдерживать ее взгляд. Когда она ушла, он еще долго, будто застыв, изучал собственное отражение в погасшем мониторе, от тишины у него звенело в ушах. Ему хотелось сбегать от этой предгрозовой московской духоты, от лицемерия и от себя, но больше всего – от ужасного прошлого, которое вновь отприкошетило болью.

Заходя в электричку, Женя помог немолодой уже женщине перенести хозяйственную сумку-тележку на колесиках с перрона в вагон. Женщина сердечно его поблагодарила и, решив, что подобный жест сплотил их, добродушно плюхнулась на сиденье рядом с ним. По одному ее голосу Женя сразу узнал в ней москвичку.

– Ох, кто ж знал, что такая жара ударит на праздники, а главное, резко, ни с того ни с сего... – Женя заметил, что попутчица, вся обливаясь соленым потом, обмахивала лицо веером. Это навеяло ему мысли о Тане, она всегда потела, но сейчас, когда ударил климакс, особенно.

– Да даже не жарко, душно, как будто вот-вот ливанет!

– Ох, и не говорите! Мне все МЧС сообщения присылает, все смеялись над американцами, а теперь вот, поглядите, какие катаклизмы.

– Точно! – Женя ухмыльнулся, но что у него с глазами?..

– А я сейчас на автобусе сюда доехала, а там кондиционер

работал, хорошо, конечно! Еду вот по Садовому и думаю, что это за город за окном, что за дикая безвкусная петрушка разрослась? Надо было либо как-то встраивать, либо уж застраивать новые районы, но зачем портить то, что было? Ох, как я Москву люблю, лю-би-ла! Я ведь всю ее обошла, все раньше знала, а теперь плутаю, совсем не могу здесь больше ориентироваться.

– Да, я знаю, я ведь сам из центра, – у него явно было что-то с глазами, он чувствовал это.

– А вы откуда?

– Я на Покровке родился, люблю эти места, но мы там в коммуналке жили, а потом вот нас на Сокол переселили, – Боже, его маленькие, близко расположенные глаза сейчас просто слились в один. У НЕГО ОДИН ГЛАЗ! ДАЙТЕ ЕМУ СКОРЕЕ ЗЕРКАЛО!

– О! Так это хорошо еще! Нас-то вон вообще с Патриарших в Медведково отправили, я там думала, с ума сойду, ужас, как будто в ссылке, я так и говорю, мы там как в ссылке жили. Потом вот Бог помог, на Аэропорт переехали.

– И как? – с живостью уточнил Женя. Зеркало успокоит его, оно всегда успокаивало его, ибо он выглядел просто великолепно, ДАЙТЕ ЕМУ ЗЕРКАЛО!

– Ой, ну вы знаете, такая тишина у нас во дворах, жизнь идет, птички поют, единственно, конечно, надо смотреть в оба, чтоб чего не испортили.

– В каком смысле? – его юношеский комплекс вернулся,

с чего вдруг? ДА НЕТ У ТЕБЯ НИКАКОГО ОДНОГО ГЛАЗА, заткнись ты, урод.

– Ну вот у нас тут недавно пивнушку в соседнем доме открыть хотели, но ничего, вроде отстояли, хорошо – вовремя спохватились, а то было бы поздно! Мы говорим, какая пивнушка, тут вон школа рядом, вы чего?!

– Да... – с горечью протянул Женя. Я не урод, сам урод!! – Все это неприятно...

– Да не то слово!

– У нас на Соколе я, конечно, тоже смотрю, неуютно стало, одни машины, кофейни эти, рестораны, людей полно, раньше поспокойней было. – Она заметила, что у него один глаз, или нет? Ну конечно, она и смотрит как будто на переносицу, на этот постыдный мерзкий ОДИН ГЛАЗ.

– Да, но все же... все же есть своя романтика в Москве. Вся ведь жизнь здесь прошла, каждая улочка, каждый переулок какие-то секреты да тайны хранит. – Женя внимательно вглядывался в попутчицу *своим одним глазом*, ему показалось, что она даже чем-то похожа на Таню. Между тем его соседка вытянула шею и, взглянув в окно, засуетилась.

– Ой, так это уж моя. – И, словив любопытный взгляд Жени, поспешила добавить. – На рыночек я сюда, так нравится, уж привыкла, к одним и тем же постоянно хожу. «Московские сезоны», так, что ль, они теперь называются... Пряма как «Русские сезоны» Дягилева...

– Подождите, давайте я вам вновь помогу! – а вдруг этот

один глаз еще и косо́й?..

– Ой, нет-нет, не беспокойтесь, теперь уж я сама! Счастли-
во! – Женя выдохнул, ему, по правде говоря, совсем и не хо-
телось вставать, рискуя потерять свое обдуваемое ветром
уютное местечко подле открытого окна.

Оставшись на месте, он наблюдал, как его новая бывшая
знакомая суетливо пробивается к выходу, когда объявили
Тимирязевскую. Ее коренастая фигура и неловкие движе-
ния вновь напомнили ему о жене. Он рад был распрощать-
ся с незнакомой дамой и поспешно раскрыть книгу, надеть
очки и опустить взгляд (чтобы точно никто не увидел, что
у него, на самом деле, всего лишь *один глаз*). Перечитывая
вновь и вновь один и тот же абзац, не вникая даже в его
смысл, он понял, что мысленно был далек от сюжета книги.

Вот так однажды, стоя, как сегодня, подобным образом
на перроне и ожидая подачи поезда, он заметил ее; она выде-
лялась из толпы, суетилась, то и дело приближалась к рель-
сам и смотрела вдаль, мол, ну где там ваш поезд, долго
еще ждать? Он сразу узнал в ней не-москвичку, было в ней
что-то провинциальное, фривольное, свободолюбивое. Ве-
тер бросал густые, волнистые, непослушные, темные воло-
сы ей прямо в лицо, и она то и дело небрежным движением
с раздражением их убирала, ее неприхотливое платье и стер-
тые туфли говорили сами за себя. Женя нарочито вошел
с ней в один вагон и сел неподалеку, дабы лучше изучить
ее: нервозность так и не исчезла, будто она куда-то отчаянно

не попевала. Он не оставил без внимания тот факт, что его тайная визави бросила на контролера – который смахивал на сторожевого пса – неприязненный взгляд, и будто бы и он вовсе не обрадовался, завидев девушку и пристально изучив ее билет:

– До Долгопрудного, говорите?

– Да! – звонко ответила она, будто приняла вызов.

Женя не преминул заметить, что ближе к Долгопрудному девушка встала и поспешила перейти в другой вагон. Женя, последовав за ней, получил в ответ оценивающий взгляд, наполненный презрением и отвращением, будто она тщетно пыталась прожечь весь его московско-щегольский ансамбль – кепку, футболку, джинсы и кеды. Найдя свободное место, она забилась на сиденье возле окна, а Женя остался стоять неподалеку. Каким-то чудом кондуктор все же умудрился отыскать ее на подъезде к Долгопрудному и попросил выйти – как ожидаемо, промелькнуло у Жени!

– Я никуда не пойду! – огрызнулась девушка.

– Выходите немедленно, или я вызову полицию! – для кондуктора этот вопрос явно стал делом чести.

Стычка привлекала внимание остальных пассажиров, и одна женщина, встав с места, крикнула кондуктору:

– Пусть выходит! Взяли манеру зайцем ездить!

– Подождите, – вмешался Женя. – Вот, возьмите мой билет, – протянул он руку кондуктору, – я выйду, оставьте ее!

– Нет, пусть она выходит! – уже почти кричал кондуктор.

Женщина и тут поддержала работника ж/д:

– Пусть *она* выходит! Она пусть выходит! На-хал-ка какая!

Женя оставил ее тезисы без внимания и по-прежнему держал перед кондуктором протянутую руку:

– Возьмите мой, вам что с того? – спокойно, но твердо говорил он.

Кондуктор, казалось, напрочь игнорировал Женю, в упор глядя на девушку, она – лицо покрылось красными пятнами, тело знобит, будто в лихорадке – исподлобья отвечала ему злым взглядом. Женя тогда тут же понял, этот взгляд был адресован не просто кондуктору, нет, этим взглядом она бросала вызов всей прогнившей системе, всему казенному советскому китчу – дачи, костры, бардовские песни, первое мая, всем трудящимся протяжное разливающееся ураааааааааа! Открылись двери, и она вышла под улюлюканье все той же женщины, а Женя в течение секунды судорожно обдумывал, что ему важнее: погнаться за этой *протестанткой* или оправдать стоимость билета?

* * *

Заходя в электричку, Таня судорожно перебирала в голове купленные товары – она точно ничего не забыла? Она сбегала на рынок, купила черешню, персики и нектарины, вновь испытывая неприятное ощущение, что ее нагло обсчитыва-

ют (она пыталась сосредоточиться и умножать, но, раздумывая над тем, нужны ли ей сейчас груши или можно обойтись и без них, она – надо же было этому случиться – потеряла полученную в уме сумму), привесив, вероятно, гирьку к весам, ибо несчастные полторы тысячи были будто заколдованными; а затем добежала до «Спар» и набрала пельменей (они же сейчас растают, ох Боже!), взяла сырокопченую колбасу, сыр и хлеб, а потом еще с тремя сумками умудрилась досеменивать до «Вкус Вилл», чтобы только вновь дома полакомиться блинчиками с жульеном. Но теперь ее все же не покидало чувство, что она все-таки что-то забыла, что-то важное.

Пристально рассмотрев своих попутчиков, Таня брезгливо отвернулась: нет, не будет она больше мучить свои глаза, вглядываясь в эти серые пропитые лица. Фу, она презирала пьяниц... И по-прежнему дураки и дороги, заколдованный круг этот только крепнет с годами. Хотя, собственно, кто вообще мог ожидать от этой законопослушной гражданки, да еще в такое опасное время, подобных якобинских мыслей?

По крайней мере, сама она от себя точно ничего такого не ожидала еще *каких-нибудь три месяца назад*, когда она истинной патриоткой окидывала взором родные просторы и жизнь ее светила радостным лучом. Но известие о строительстве эстакады в десяти метрах от ее дома стало некой роковой точкой, пределом, *климаксом*, вернее, нет, кульминацией она имела в виду, после которой все вокруг стало видаться уже не в солнечных бликах, но в мрачном сиянии лу-

ны.

Рухнул ее прежний мир – резко и непредсказуемо, как обрушился некогда московский Трансвааль-парк – а ветер эстакадных машин куда-то унес обломки былой жизни, и Таню словно подменили, она все еще в душе, конечно, надеялась на своего особого *бога* и даже участвовала в снятом на реке обращении к нему, но уже, пожалуй, не столь рьяно (хотя об этом было лучше умолчать!). Она злилась на всех – за бездействие и беспомощность – но под особый огонь, конечно, попала Лобня.

Доселе она бы не нашла ни единой причины задумываться над Богом забытым подмосковным городишкой, каких в России тысячи, послевоенный, застроенный сплошь хрущевками да новостройками, которые компания «ПИК» шлепала там ежеквартально будто печатью по бумаге; Таню в этом городе интересовали лишь рынок, «Spar», «Вкус Вилл» да зоомагазин «Четыре лапы» – она забыла купить Малышу еду: черт-черт-черт – остального она не замечала, впопыхах бегущая по своим делам...

Но теперь было совсем другое дело, теперь она видела все: покрытую плевками площадь (верней, площадку), бесчисленное количество заведений общепита, от коих за километр разило прогорклым маслом, кинотеатр, транслировавший фильмы по своему усмотрению (но зато с открытыми пожарными дверями, а это, как теперь оказалось, сила!), убогие дешевые высотки, создающие ложное впечатление, будто

Лобня – не провинциальный городок, а мегаполис азиатской страны третьего мира, и бесконечные пробки, что, как змеи, извилились на узеньких улочках города, не выдерживавшего натиска урбанизации. Эстакада эта, что нежеланной соседкой напрашивалась к Тане, призвана была встать на защиту свободы лобненских дорог, при этом бомбой ударив по Луговой, в то время как знатная четырехполосная магистраль, которая обещала красной дорожкой развернуться в наполовину вырубленном лесу, объявится платной, и таким образом выгодно будет всем, кроме Луговой – ее жителей в расчет не брали.

Таня наивно пыталась заручиться поддержкой знакомых лобненцев, но столкнулась с такими узколобым эгоизмом и звериной озлобленностью («*Да вас давно снести пора: четыре дома на окраине*»), с таким отсутствием хоть жалкого подобия солидарности, что капитулировала без боя, скандалисткой она не была никогда, да что там – ругаться не умела даже на самом простейшем уровне, она лишь лихорадочно тряслась с красными от давления глазами, а слова упрямо не хотели идти из уст – будто само нутро ее не желало пасть столь низко – и выходили лишь одни междометия в духе Акакия Акакиевича. И с тех пор, когда Таня без всякого желания на поезде или в автобусе въезжала в постылую Лобню, она всегда чуть слышно напевала:

Там живут несчастные люди-дикари,

*На лицо ужасные, недобрые внутри,
На лицо ужасные, недобрые внутри,
Там живут несчастные люди-дикари.*

Впрочем, что там Лобня, подобный город невезения был в России на каждом шагу. А с другой стороны, ей-то что до того, да пусть эти города-неудачники хоть на каждом квадратном метре расплодятся (а вероятность этого была 99,9%), ей ровным счетом все равно, о ее проблеме кто думает – что же ей по чужим печалям томиться? Времена такие нынче настали – каждый сам за себя. Впрочем, в обществе хамоватых властолюбив, может, это было и к лучшему.

Сразу после Депо вдруг неожиданно началась проверка билетов. Таня резко протянула свою смятую бумажку, смерив контролера критическим взглядом. Сосунок. Не смог найти работенку получше. Отвернувшись к окну, она вдруг услышала:

– Вы должны были выйти *на* Лобне. У вас до Лобни билет.

Таня резко обернулась: чего?! И поняла, что замечание это было адресовано не ей, нет, контролер явно смотрел на Таниного соседа напротив, занимающего, как и она, сиденье у окна.

– Ну да, но я до Луговой еду.

– Так вам и надо было покупать до Луговой, а не до Лобни.

– Я в автомате покупал, до Луговой не смог выбрать... – попутчик отчего-то неловко покосился на Таню.

– Эти автоматы и правда дурные, буквы заедают, пьяницы сдачу отнимают, – вставила Таня, но кондуктор даже не посмотрел в ее сторону.

– Вам придется доплатить.

– Что? Цена такая же!

– Цена такая же, – вновь вмешалась Таня. – Сколько у вас, дайте посмотреть, ну вот, 88 рублей, и у меня так же! Вот! – но ее билет кондуктора мало интересовал.

– С вас 120 рублей.

– Чего?! – попутчик и Таня воскликнули одновременно.

И тут же в сердцах он достал из кошелька тысячную купюру.

– Вот!

– Меньше нет? – уже заметно тише спросил кондуктор.

– Нет!

– Будем искать... – он в нерешительности отвернулся.

– ИДИОТЫ, – заявил попутчик Тане и встал, готовясь выходить.

Чуть помедлив, Таня, захватив свои авоськи, тоже прошла в тамбур. Былой попутчик стоял первым возле дверей и явно был не намерен обсуждать неприятный инцидент, а жаль, промелькнуло у Тани, ох, а она бы обсудила... Иногда так хочется просто перекинуться с кем-то парой слов, легкий ни к чему не обязывающий диалог. «Смол-ток у нас непопулярен», – вдруг вспомнились ей мужнины слова. Стоп, она что, с ним согласна?..

Выйдя из вагона, она привычной бойкой походкой засе-менила вдоль поля, по дороге, обреченной прогнуться под нависающей эстакадой. Тучная и невысокая, с каре из темных густых волос и утонченным лицом, усеянным родинками, полностью несоответствующим габаритной фигуре, она шла размашисто и быстро, как бывало всякий раз, когда она забывалась неприятными мыслями.

Какой он – этот второсортный человек? Где он живет? Во что одет? Она всегда полагала, что, возможно, этот *второсортный человек обитает где-то в странах Третьего мира*, небрежно одетый, босой, с почернелыми от грязи стопами, голодный и ушлый, он выпрашивает деньги у заезжих туристов – и это существование, это обитание *тоже* зовется *жизнью*. Но отчего-то ей... ей было не жалко таких людей, они существовали будто в другом измерении, на другой планете, словом, слишком далеко, чтобы она могла печалиться об их нелегкой доле. И когда однажды Женя, давным-давно, когда Ира еще была под большим знаком вопроса, обмолвился о возможности усыновить азиатского ребенка, она метнула на него полный молчаливого негодования взгляд: как можно *такое* предлагать? С тех пор никто больше не рисковал припоминать этот эпизод (а может, его и не было вообще? Все, что случилось так много лет назад, теперь казалось не более чем вымыслом).

Но отныне все перевернулось, будто, всю жизнь полагая, что земля плоская, она с удивлением обнаружила, что зем-

ной шар оказался круглым, и второсортными людьми из третьесортного мира стали ее соседи по Луговой, включая и ее саму. Ибо, если (не дай бог!) из-за этой эстакады накроется все ее фермерство, кто это покроет? Ответ был слишком очевиден.

Впрочем, она всегда чувствовала, что этим все закончится – к чему было лукавить, да еще перед самой собой? Начало было положено около двадцати лет назад, может, чуть раньше, когда урбанизация черной катюшей стала врываться в деревни, дабы травить своим загазованным воздухом жизнь честных селян. Но то были другие жизни, другие поселения, и она, к стыду своему, не сильно-то одаривала своим вниманием их проблемы, ей было некогда, она коз пасла, да и урбанизация издалека, казалось, несет некое зерно истины, ибо, пожалуй, даже дойные коровы ощущали всю нелепость разрыва между регионами с их деревенской аскезой и двумя «столичными городами», между которыми, казалось, простиралась разница в пять столетий, не меньше.

В глубине души каждого русского человека теплилась надежда, что урбанизация придет в капиталистическом облике, что строительство дорог не только не помешает, но и, наладив хорошее сообщение, поспособствует развитию регионов, что на месте шашлычных и пельменных появятся добротные досуговые центры, что люди сплотятся, взамен сплошных заборов вырастут живые изгороди, на бескрайних просторах найдется, наконец, место паркам, футболь-

ным площадкам, теннисным кортам – но урбанизация пришла совсем в ином виде, и от этого было во сто крат горше. Не капиталистической ласточкой она прилетела, но бабой-ягой, что ударила помелом под дых, да и разворотила округу так, что стало только хуже.

Но все это лирика, думалось Тане, когда она открывала калитку – дорогу проложат – не проложат, неизвестно, а пока надо жить, как жила, да работать. Малыш – вообще-то его полное имя было Малыш Эйб, но в отсутствие мужа Таня звала пса просто Малышом, ибо она находила полнейшей нелепостью придумать столь абсурдное имя в честь какого-то там непонятого американского дядьки – стоило ей войти во двор, тут же перевернулся на спину – мол, чеши мне пузо. Войдя в сарай, Таня проверила кур и коз – все были на месте – а затем, аккуратно поставив сумки на ступеньки дома, села на большие уличные качели.

Завидев подобную картину, Малыш тут же прыгнул к Тане на качели, отчего те пришли в движение, и, положив голову ей на колени, вновь перевернулся на спину. Таня рассеянно принялась чесать его покрытое жирной шерстью с колтунами (хорошо бы помыть да причесать!) да усеянное сосками (нащупывать их было Тане отчего-то крайне неприятно) пузо.

Малыш был очередным *рычагом* их взаимоотношений. Женя почти все ему запрещал – мол, ты первосортный пес, но знай свое место, друг – зато у Тани можно было все:

она позволяла ему вылизывать себе лицо, заходить в дом, а знойным летним днем и дремать, свернувшись калачиком, на постели в тенистой прохладной комнате Жени (хи-хи-хи!). Шерсть она, само собой, потом счищала с покрывала методичными движениями преступника, заматающего следы. Таня лениво потянулась на качелях и, отодвинув Малыша, встала – нет, сидеть нельзя, совсем разморит – а затем, подхватив сумки, зашла в дом.

Не снимая уже изношенные кожаные немецкие туфли, она, минуя длинный темный коридор, прошла на кухню. Поставив чайник, Таня включила телевизор («для фона») в смежной с кухней собственной спальне и задумчивым взором окинула маленькую свою комнату – обои заметно отходили по краям сверху, и совсем неплохо было бы их переклеить. Кутерьма с обоями вновь навела ее на мысль о планируемой эстакаде, которая вдруг все ее планы обратила в огромный знак вопроса – а надо ли вообще что-либо здесь менять, надо ли выкупать сестринскую половину (собственно, для нее пока все равно еще было до конца неясно, где она найдет этот миллион) – или же лучше жить одним днем, смиренно ожидая, пока все, чему она себя посвятила, не обесценится и не исчезнет удаленной лазером бородавкой с чела Родины-матушки.

Мысли кружились в ее голове беспорядочным роем, сменяя друг друга: сестринская половина навела ее на мысль о матери, с кончины которой уж скоро пойдет третий год,

это, в свою очередь, напомнило ей о негласной ссоре с сестрой и племянницами, которые вдруг перестали здороваться при встрече, больная ныне сестра – заложница двух незамужних дочерей – возродила в памяти образ миловидной пионерки, лицо которой было чуть менее усеяно родинками и которой Таня во всем старалась подражать, эту маленькую девочку резко сменила другая – с бантами на двух хвостиках, вместо пионерского передника – ситцевое платье, вместо родинок – обилие веснушек – вся в отца, вместо негласной ссоры – вполне очевидный конфликт, а это уже воскресило в памяти ее собственного горячо любимого папу, который с каждой зарплаты откладывал деньги и собственноручно строил этот... Однако здесь Таня осеклась, спохватившись выключить свистящий чайник.

Выпив чай со сладким сухариком (она ела его размягченным, макая в чай), она на скорую руку набросала план дел: пока стояла хорошая погода – а нынешний май совсем не задался («*За грехи людские плата // Непогода-непогода*») – надо было успеть обработать уже посаженные помидоры (что из них вырастет?), сбегать на станцию купить Малышу корм *втридорога*, а затем заготовить творог и сыр, на ужин надо потом поставить пельмени, а Женя пусть выведет коз.

Переодевшись и выйдя в огород, Таня из времянки взяла тяпку да перчатки, надела свою белую шляпу с полями; такое солнце, конечно, напечь голову не могло, но эта шляпа ей просто нравилась, и хотя она была абсурдной, как и все, что

говорил и делал Женя (он сказал, мол, будешь послевоенной южанкой на сахарных плантациях), но в ней совсем иначе работалось и не хотелось сутулиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.